

Грохот выстрела!

Пуля вылетела из ствола и впилась в плоть.

Этот звук потонул в набегающем и отступающем шуме прибоя, и Фу Яочжэн сперва решил, что от дикого напряжения у него начались галлюцинации.

Лишь когда обнимавшее его тело обмякло, а сжатые на шее пальцы бессильно разжались, до него дошло: он теряет его.

— Сяо И!

Но было уже поздно. Он рухнул на колкую гальку вместе с Сяо Найюем. Ладони мгновенно коснулись чего-то горячего и липкого. Опустив взгляд с мертвенно-бледного лица, Фу Яочжэн увидел, как на груди Сяо Найюя медленно распускается алый бутон.

Пуля — семя, сердце — почва, а кровь, что хранила жизнь, расцветает цветком смерти.

Металлический запах крови смешивался с солоноватым морским бризом, врезаясь в память каждого, кто здесь находился.

Сяо Найюй видел над собой лишь удивительно синее небо. Вместе с утекающей кровью быстро гасло сознание.

Где-то в каком-то сценарии ему попадалась реплика:

«Когда пробито сердце, заводится отсчёт. Тебе осталось меньше пяти минут».

Это была реплика не его персонажа, иначе он запомнил бы её накрепко. Такие слова всегда достаются главным героям. А он всегда оставался лишь актёром второго плана.

И в кино, и в жизни.

Но теперь играть больше не придётся. Пуля реальна, и отсчёт действительно пошёл.

До города десять километров. Врачи не успеют.

Умирая, он успел заметить искажённое отчаянием лицо Фу Яочжэна.

Надменная, безупречная красота Господина Фу вдруг превратилась в нечто уродливое.

Какая бессмысленная трата.

На лицо капало что-то теплое. Всё чувство боли сосредоточилось в груди, а остальные чувства отнялись, так что он не сразу понял, что это.

Пока капля не попала на губы.

Солёная.

Должно быть, пошёл дождь.

Только дождь.

Разве мог этот человек плакать по нему?

«Дождь у моря, оказывается, солёный, — устало подумал он. — Солёный и горький».

Кровь уходила, унося остатки сил. Никаких пяти минут не понадобится — он умрёт раньше.

И странное дело: страха перед смертью не было. Лишь небывалая, почти сладостная лёгкость.

Несколько дней назад ему исполнилось двадцать два. Господин Фу впервые в жизни не перепутал дату.

Три года Сяо Найюй прожил безнадёжной тенью чужого человека, даже собственный день рождения справляя за другого.

Для Фу Яочжэна у него никогда не было собственного имени.

Короткая, вспыхнувшая и угасшая жизнь. Он испил самую сладкую отраву, чтобы в конце осознать: он был лишь ядом, которым пытались утолить чужую жажду.

Он устал. Ему не хотелось больше видеть это искажённое лицо.

— Сяо И! Сяо Найюй! Не смей закрывать глаза! Не спи, умоляю тебя, не уходи!

Задыхающийся от слёз голос раздавался где-то совсем рядом, вызывая лишь глухую досаду.

На секунду предсмертная слабость отступила — вспышка перед угасанием.

Сяо Найюй разжал веки. Старый шрам у левого глаза размывал очертания. Он уже не видел выразительного лица Фу Яочжэна, да и плевать ему было на его слёзы и крики.

— Тебе... не следовало жалеть меня с самого начала, — с трудом шептал он. — А мне... не следовало тебя встречать.

Он снова прикрыл глаза. Прерывистый выдох дрожал от боли:

— Отпусти меня... Дай умереть спокойно. И не нужно... меня помнить.

Этого выплеска сил хватило ненадолго: дикая боль мгновенно вернулась, чтобы сминать и выжигать остатки жизни.

У него больше не оставалось сил на чужую истерику. Он беспомощно откинул голову, уткнувшись правым ухом аккуратно в грудь Фу Яочжэна.

Там оглушительно и ровно билось живое сердце. В конце концов, именно ради этого он и подставился под пулю. Зато его собственное, израненное и измученное сердце теперь наконец-то могло обрести покой.

Фу Яочжэн в отчаянии сжимал неподвижное тело. Его правая рука судорожно давила на рану, но алая кровь просачивалась сквозь пальцы, стекала по тыльной стороне ладони, чертя жуткие узоры и словно насмехаясь над его попытками.

Смерть была неизбежна.

Он прижал голову Сяо Найюя к своей груди и, задышавшись, зашептал в безумной надежде:

— Сяо И... ты только не спи, слышишь? Не спи, пожалуйста... Я ведь уже купил билеты. Все билеты на руках! И нашёл лучшего... самого лучшего психотерапевта, он поможет тебе! Я знаю, ты ненавидишь больницы... Поэтому сначала мы полетим на Байкал. Там сейчас зима. Ты ведь так хотел увидеть снег! Три года назад мечтал об этом... Проснись, и мы сразу полетим, хочешь?

— Открой глаза... Посмотри на меня хоть раз. Я сделаю всё... Всё, что пожелаешь...

Он пытался вызолотить на губах подобие улыбки, но лицо искажала судорога. Горло сжимало от рыданий, слова давались с трудом, рвались и тонули в отчаянии:

— Какая глупость... Зачем... Это я... Это я должен был умереть! Я самый настоящий подлец!..

Из ствола пистолета М9 всё ещё струился тонкий сизый дымок, танцуя на морском ветру — словно оружие праздновало свою первую жертву.

Висок Фу Яочжэна находился всего в дюйме от дула.

Одно движение, нажатие на спуск — и безупречный механизм выпустит вторую пулю.

Но человек с оружием застыл. С той самой секунды, как раздался выстрел, кровь в его жилах будто заледенела.

Он стоял бледный, с перекошенным лицом. В помутневшем взоре промелькнул проблеск осознания.

Он смотрел, как кровь заливает белую рубашку Сяо Найюя и скапливается в выбоинах между камнями.

При жизни этот парень был так похож на его брата. И уходил из жизни точно так же — тихо, красиво... И только эта липкая алая жидкость выглядела нелепо и жестоко, разрушая хрупкую чистоту момента и пробуждая давний кошмар.

Его «брат» умер во второй раз. И снова по его вине.

Дрожащие пальцы Линь Чиюэ разжались. Пистолет звякнул об гальку. Одурманенный лекарствами разум окончательно погрузился в безумие.

Прибой отступал, эхо волн уносилось вдаль.

И над пустынным берегом эхом разносился ничем не сдерживаемый, рвущий душу вопль.

Завывание сирен скорой помощи приближалось.

Вот только всё это было слишком, слишком поздно.

«Недавно в возрасте двадцати двух лет скоропостижно скончался актёр Сяо Найюй.

Сегодня утром, вскоре после панихиды, долго хранивший молчание Вэй Жэнь неожиданно созвал пресс-конференцию. Напомним, что Вэй Жэнь, лауреат премии „Десяти Тысяч Образов“ за роль Ди Ци в фильме „Пленение Демона“, после возвращения на экраны сыграл главную роль в картине „Солнечный Туман“, где Сяо Найюй исполнил роль второго плана.

Во время съёмок „Солнечного Тумана“ папарацци засняли поцелуй артистов в ресторане. Изначально это посчитали обычным пиаром, но вскоре выяснилось, что Вэй Жэнь давно женат и воспитывает сына. Разразился скандал вокруг измены.

Представители Вэй Жэня оперативно заявили, что актёров связывали исключительно рабочие отношения, и намекнули, будто Сяо Найюй, не добившись взаимности, сам натравил журналистов. Позже супруга Вэй Жэня опубликовала пост, где простила „маленькую оплошность“ мужа и двусмысленно призвала Сяо Найюя знать своё место.

Несмотря на уверенные заявления стороны Вэй Жэня, убедительных доказательств представлено не было. Студия Сяо Найюя отмалчивалась, а спустя неделю сам актёр опубликовал короткое сообщение о бессрочном уходе из индустрии развлечений, не сказав ни слова в свою защиту. После этого он исчез из поля зрения общественности, пока три месяца спустя не пришло известие о его смерти».

«По данным осведомлённых источников, то, что Вэй Жэнь намеревается озвучить на этой пресс-конференции, может полностью перевернуть представление публики об этой истории. Передаём слово нашему корреспонденту с места событий...»

Диктор продолжал вещать, но на душе у редких зрителей этого выпуска было тоскливо.

Те самые диванные критики, что ещё вчера поливали Сяо Найюя грязью, теперь, узнав о его смерти, снизошли до сочувствия и решили снисходительно разобраться в деталях скандала.

Небо затянуло грозовыми тучами, над замершим городом нависла буря.

С балкона тянуло прохладой и сырым запахом скорого дождя.

Фу Яочжэн сидел на холодном полу, обняв бутылку крепкого алкоголя. Рядом лежал вороненный пистолет.

В его остекленевших глазах отражались лишь блики экрана.

Трансляция переключилась на прямой эфир с пресс-конференции.

Серый зал. За длинным столом в одиночестве сидел Вэй Жэнь, окружённый сотнями объективов и вспышек.

Вэй Жэнь прятал взгляд, чувствуя, как его достоинство втаптывают в грязь. Если бы не невидимые дула, упёртые ему в спину, он никогда в жизни не согласился бы на подобный позор.

В миниатюрном наушнике раздался холодный, приказной голос:

— Начинай.

Вэй Жэнь сжал кулаки, намереваясь промолчать, но в ту же секунду в динамике раздался крик его жены и плач сына.

Журналисты нацелили на него вспышки, словно пушки, а люди семьи Фу держали в заложниках его жизнь, вымогая правду.

На жену ему было плевать, но сына он обязан защитить. Других наследников у него уже не будет.

— Считаю до трёх.

— Три.

— Два...

— Благодарю представителей прессы за то, что пришли на мою пресс-конференцию! — громко перебил Вэй Жэнь отсчёт, подняв голову навстречу объективам.

Вспышки заслепили глаза. За двадцать лет в кино он научился мастерски играть любые эмоции перед камерой, но сегодня у него впервые дрожали руки. Ни на одних пробах в восемнадцать лет ему не было так страшно.

Переведя дыхание, он спрятал дрожащие руки под стол и стиснул пальцы, заставляя голос звучать ровно:

— Я собрал вас, чтобы обелить имя моего покойного друга, Сяо Найюя. Снимки, сделанные папарацци во время съёмок «Солнечного Тумана», — подстроены мной. Сяо Найюй ни в чём не виноват. Он ничего не знал.

В зале поднялся шум. Кто-то из журналистов сразу же выкрикнул:

— Но на снимках отчётливо видно, что инициативу проявлял Сяо Найюй! Вы хотите сказать, что и это вы спровоцировали?!

Вэй Жэнь замялся. Голос в наушнике мгновенно среагировал на паузу — щёлкнул затвор, и ребёнок снова зашёлся в плаче.

— У тебя нет права сомневаться, — прозвучал ледяной шёпот.

Вэй Жэнь сутулился под прицелом камер, сгорая от стыда.

— Смотри в камеру. Расскажи им, что ты с ним сделал.

Вопросы сыпались со всех сторон:

— Что произошло в ту ночь?!

— Что вы сделали с Сяо Найюем?!

— Ходили слухи, будто вы помогались его! Это правда?!

— Отвечайте!

Опасаясь за жизнь сына, Вэй Жэнь наконец выкрикнул:

— В ту ночь он вёл себя так, потому что я подсыпал ему галлюциноген! Я хотел его изнасиловать!

Грянул гром. Дождь хлынул сквозь открытый балкон, омывая пол и одежду Фу Яочжэна, но тот ничего не замечал, жадно глуша алкоголь из бутылки.

Он зажмурил воспалённые глаза. Слёзы текли по его исхудавшему, осунувшемуся лицу.

Сяо Найюй ведь пытался объяснить...

Он помнил ту ночь. Помнил, как парень, сдерживая слёзы, молил поверить ему:

— Я правда опьянел... Я совсем не понимал, что делаю... Я...

— Сколько ты выпил?

— Два... два бокала. Я помнил твоё условие и никогда не пил лишнего...

— Два бокала? Тебя и две бутылки не свалят! Ты пьянеешь с двух бокалов?! И ты продолжаешь врать?!

— Я не вру! Я правда не знаю, что со мной стряслось... Мне показалось, что это ты... Я правда не понимал...

— Это я совершил ошибку. Ты — не он. С самого начала между нами был лишь холодный расчёт, так? Я не вправе требовать от тебя верности.

— Но твои поступки... Твои мерзкие поступки не стоят и гроша по сравнению с твоими чистыми глазами!

Правда, как и ложь: стоит пробить брешь, и всё сокрытое устремится наружу.

Вэй Жэнь закрыл лицо руками, затем тяжело вздохнул:

— Поэтому он и слушался меня... Препарат действует безотказно. Пара капель — и человек становится шелковым, словно сильно пьян, а наутро ничего не помнит. Когда действие проходит, даже врачи ничего не найдут. На банкете я подменил бокалы. Как только он сделал глоток, я понял, что дело сделано. Для человека моего положения затащить в постель начинающего актёра — пара пустяков. На съёмочной площадке все закрывали на это глаза. Оставалось лишь довести его до номера... Но, к сожалению, вмешался его менеджер. Я успел лишь коснуться его губ.

— Сяо Найюй действительно привлекал меня. И внешностью, и своим феромоном белой магнолии... Я влюбился с первого взгляда. Смешно, конечно, звучит из уст сорокалетнего мужика, — на лице Вэй Жэня мелькнула искренняя горечь. — Но любой, кто знал его ближе, подтвердит: он был чудесным парнем. Когда разразился скандал, я даже обрадовался. Я собирался отыграть с ним «роман» во время промокода фильма. Свою семью я тщательно скрывал, и если бы кто-то намеренно не раздул эту историю, всё бы обошлось.

— Я собрал вас всех здесь, чтобы официально заявить: Сяо Найюй не занимался дешевым пиаром, не переступал через мораль и не разрушал мою семью. Он абсолютно чист. Он — жертва, а я — преступник. Вся эта грязь должна была обрушиться на меня. Я разрушил его репутацию, я довёл его до депрессии. В его смерти есть и моя вина.

— Я не надеюсь обелить своё имя. Я хочу лишь искренне попросить прощения у Сяо И... Прости меня, я погубил тебя. Тот человек был прав: если уж ты ушёл, то должен уйти с чистым именем. После этой пресс-конференции я навсегда покину шоу-бизнес и сдамся полиции. Я отвечу за всё.

Взгляды прессы сменились пренебрежением и хищным азартом — журналисты уже предвкушали громкие заголовки на недели вперёд.

Желающих поживиться на чужом горе хватало всегда.

Сбросив с души этот груз, Вэй Жэнь посмотрел в камеры свободнее:

— Не нужно смотреть на меня с такой ненавистью. Теперь мне грозят неустойки почти в триста миллионов, да и полиция мной займётся. Остаток жизни я проведу в аду. Кто знает, может, когда-нибудь кто-то из вас заснимет бывших кинокумиров, копающихся в помойках. Надеюсь, этого вам хватит для удовлетворения.

<http://bllate.org/book/20256/2105725>